

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108).

Political Linguistics. 2024. No 6 (108).

УДК 81'27+811.161.1'42+811.161.1'38

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Альмира Магометовна Казиева¹✉, Мария Михайловна Ибрагимова²✉

^{1,2} Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹ k_mika@mail.ru✉, SPIN-код: 3609-9857

² vostok@pgu.ru✉, SPIN-код: 7658-8770

Исламский дискурс в российском медиапространстве: некоторые аспекты семантики, pragматики и терминологического наполнения

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению семантики и pragматики религиозной терминологии, активно используемой в исламском медиадискурсе. На материале интернет-сайтов и интернет-изданий, посвященных конфессиональной проблематике, определены основные тенденции употребления терминов-арабизмов, проанализировано их взаимодействие с русскоязычным контекстом. Цель статьи состоит в выявлении и описании семантико-pragматических особенностей перевода исламской терминологии, а также в изучении ее влияния на формирование и функционирование исламской идентичности, которая косвенно оказывает влияние на национальную идентичность современных мусульман. В процессе исследования доказано, что исламский дискурс в современной России развивается уникально: наряду с арабским языком Священного Корана, ислам в Российской Федерации использует ресурсы русского языка как языка межнационального общения. Исламский медиадискурс предстает во многом как дискурс би(поли)лингвальный, поскольку он продуцируется индивидами, использующими в процессе межличностной и межкультурной коммуникации не только русский, но и родной национальный язык, а также арабский. В условиях доминирования русского языка как языка межнационального общения лексические единицы, грамматика и синтаксические конструкции арабского и родного национального языков могут быть переведены (в разной степени адекватности перевода) или калькированы на русский язык. При этом русский язык не только расширяет свой терминологический фонд; происходят определенные изменения в плане семантики и pragматики религиозного дискурса, что определяется, по всей видимости, трансформацией когнитивных механизмов и структур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозная идентичность, исламская идентичность, исламский дискурс, ислам, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, интернет-сайты, религиозный дискурс, терминология, лексическая семантика, лингвопрагматика, термины, терминосистема, эквивалентный перевод.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Казиева Альмира Магометовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и литературного творчества, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования Института переводоведения, русистики и многоязычия, Пятигорский государственный университет; 357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9; email: k_mika@mail.ru.

Ибрагимова Мария Михайловна, преподаватель кафедры восточных языков и культур, Пятигорский государственный университет; 357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9; email: vostok@pgu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Казиева, А. М. Исламский дискурс в российском медиапространстве: некоторые аспекты семантики, pragматики и терминологического наполнения / А. М. Казиева, М. М. Ибрагимова. — Текст : не-посредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 170-177.

Al'mira M. Kazieva¹✉, Mariya M. Ibragimova²✉

^{1,2} Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

¹ k_mika@mail.ru✉, SPIN code: 3609-9857

² vostok@pgu.ru✉, SPIN code: 7658-8770

Islamic Discourse in the Russian Media Space: Some Aspects of Semantics, Pragmatics, and Religious Terminology

ABSTRACT. The article deals with the semantics and pragmatics of the religious terminology, actively used in the Islamic media discourse. Based on the practical material from Internet sites and Internet publications devoted to confessional issues, the study highlights the main trends in the use of Arabic terms and their interaction with the Russian-language context. The aim of the article is to identify and describe the semantico-pragmatic features of the translation of Islamic terminology and to investigate its sociolinguistic influence on the formation and functioning of Islamic identity, which indirectly affects the national identity of modern Muslims. In the course of the study, it has been proved that Islamic discourse in modern Russia is developing in a unique way: along with the language of the Holy Quran, Arabic, Islam in the Russian Federation uses the resources of the Russian language as the language of interethnic communication. Islamic media discourse is largely a bi(poli)lingual discourse, since it is produced by individuals who use not only Russian, but also their native national lan-

guage and Arabic in the process of interpersonal and intercultural communication. In the context of the dominance of the Russian language as the language of interethnic communication, lexical units, grammar and syntactic constructions of Arabic and the native national languages can be translated (to varying degrees of adequacy of translation) or calqued into Russian. At the same time, the Russian language not only expands its terminological vocabulary, but also undergoes certain changes in terms of semantics and pragmatics of religious discourse, which is determined, apparently, by the transformation of cognitive mechanisms and structures.

KEYWORDS: religious identity, Islamic identity, Islamic discourse, Islam, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, Internet sites, religious discourse, terminology, lexical semantics, linguopragmatics, terms, terminological system, equivalent translation.

AUTHOR'S INFORMATION: Kazieva Al'mira Magometovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Philology and Literary Creative Activity, Professor of Department of Philology and Pedagogical Technologies of Philosophical Education, Institute of Translation Studies, Russian Studies and Multilingualism, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Ibragimova Mariya Mikhaylovna, Senior Lecturer of Department of Eastern Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

FOR CITATION: Kazieva A. M., Ibragimova M. M. (2024). Islamic Discourse in the Russian Media Space: Some Aspects of Semantics, Pragmatics, and Religious Terminology. In *Political Linguistics*. No 6 (108), pp. 170–177. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Российская этноконфессиональная модель может служить образцом для многих государств. Ислам как одна из мировых религий по праву занимает важное место в социокультурной и конфессиональной жизни современной России. Представители ислама уже с XVI в. становятся частью Русского государства, но при этом отношение государственной власти трансформируется так же, как и сама мусульманская община в России в своем хронологическом развитии. В структуре этого процесса традиционно выделяют пять этапов, свидетельствующих о неоднозначном отношении российской власти к исламу:

- **первый** (до 1552 г.) — религия иностранцев;
- **второй** (1552–1778) — чуждая и враждебная религия инородцев;
- **третий** (1778–1917) — терпимая религия части подданных;
- **четвертый** (1918–1990) — «пережиток прошлого», чуждая идеология;
- **пятый** (1991 — настоящее время) — свободно исповедуемая религия, имеющая равные права с другими религиями в РФ [Сызранов 2011; Артамонова 2012 и др. работы].

Российская умма (араб. أمة — община, нация) является объектом изучения в рамках различных научных парадигм [см., в частности: Мухетдинов 2011]. Отметим, что современные законодательные нормы в России сформулированы наиболее благоприятно для исповедующих ислам за всю историю нашей страны: они впервые обеспечивают реальную свободу вероисповедания и юридическое равенство представителей любых религиозных конфессий. Поэтому российская умма, как и в целом российское гражданское общество, ориентирована на

построение конституционного гражданского общества в России, являясь, в сущности, социальным институтом. Реализация Указа Президента РФ «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012 г. № 1666 [Указ Президента РФ, www] требует прежде всего адекватного научного осмысливания потенциала многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и составляющих его народов (этнических общностей).

В этой связи настоятельная потребность в изучении и осмысливании этноконфессиональных картин мира российских мусульман, формирующих основу их религиозной и национальной идентичности, соотносится с общим направлением формирования научных представлений о религиозных общинах разных конфессий, которые могли бы способствовать построению подлинно многоконфессионального общества и консолидации российского народа.

Методы исследования обусловлены эксплицированной выше целью и составляют единый комплекс, в рамках которого приоритетными методами являются метод сплошной выборки на основе ключевых слов, дедуктивно-индуктивный метод, методы анализа и синтеза, компонентно-семантический и когнитивно-прагматический анализ.

Материалом исследования выступают тексты интернет-изданий и интернет-сайтов, основная цель которых — формирование и укрепление исламской идентичности через ознакомление возможно более широкой аудитории с конфессиональной спецификой этой мировой религии. Общее количество проанализированных терминов религиозной сферы составляет 240 единиц.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Исламская идентичность рассматривается гуманитарными науками как такая научная категория, которая непротиворечиво вписана в более широкое понятийное поле религиозной идентичности. Современное состояние общественного сознания характеризуется активизацией религиозного фактора на фоне его политизации, когда религиозные ценности используются как в общественных, так и в политических целях. Так, в частности, А. Пандиа отмечает: «Во многих крупных мусульманских обществах, включая Египет, Индонезию и Пакистан, религиозные мыслители, основываясь на исламском праве, критикуют коррупцию в правительстве и последствия проистекающего из этого хронического экономического кризиса. Более широкие стремления мусульманского мира отражаются не только в культурной борьбе против культурно и религиозно враждебного Запада. Они также отражают протест против несправедливого и неравного мирового порядка, который считается несправедливым в экономических и политических соглашениях между обществами и нациями и внутри авторитарных мусульманских обществ, которые чаще всего спонсируются и всячески поддерживаются Западом (*перевод наш. — А. К., М. И.*)» [Pandya 2009: 77]. Крайняя динамика религиозного «ландшафта» в первые десятилетия XXI в. позволяет утверждать, что и в дальнейшем он будет обнаруживать тенденцию к преобразованию и трансформации.

Религиозная идентичность понимается различным образом: например, М. М. Мchedлова подчеркивает, что религиозная идентичность является результатом «самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью» [Мchedлова 2017: 335]. Также религиозная идентичность трактуется как приверженность человека к какой-либо религии, что может быть подтверждено субъективной самооценкой через представление о себе как верующем и самоотождествление с последователями данного вероисповедания, а также посредством объективных свидетельств — «соответствием убеждений и действий вероучительным положениям, предписаниям ритуального поведения и нормам повседневной жизни, принятых в конкретном религиозном сообществе» [Смирнов 2011: 107].

Религиозная идентичность получает объективацию в том числе и через религиозный дискурс — как институциональный и

персональный. Как дискурс институциональный, исламский дискурс характеризуется, по В. И. Карасику, особой устойчивой структурой, включающей ряд компонентов: участники; хронотоп; цели; ценности и способы их выражения; ключевой культурный концепт; стратегии; тематика; разновидности и жанры; прецедентные (культурогенные) тексты [Карасик 2002: 5–19]. Религиозный дискурс всегда имеет своей глобальной целью приобщение реципиентов к вере, к тем ценностям, нормам и традициям, которые свойственны определенной конфессии. Безусловно, эта основная цель религиозного дискурса участует и в формировании картины мира языковой личности, в том числе и коллективной (социальная группа и/или этнос) [см. в этой связи, например: Bektoshev et al. 2022]. Религиозная идентичность является во многом важной основой установления взаимопонимания в обществе, это эффективный механизм повышения удовлетворенности жизнью посредством сопричастности индивида к религиозным событиям и таинствам, что, в свою очередь, способствует преодолению социальной изоляции.

Исламская идентичность как феномен важна в качестве одного из компонентов религиозного дискурса потому, что интеллектуальный, духовный и нравственный потенциал ислама расширяется также за счет укрепления национальной идентичности через принадлежность к религиозной доктрине, а значит, изучение дискурса ислама в различных ракурсах современной лингвистики (от социолингвистики и когнитивной семантики до лингвокультурологии) открывает широкие перспективы в плане моделирования исламской картины мира и структурирования языковой личности, основной характеристикой которой является исламская идентичность.

Российский исламский дискурс характеризуется использованием русского языка наряду с языком Священного Корана — арабским. Российские мусульмане все более тяготеют к тому, чтобы писать и говорить об исламе на русском языке, что, конечно, неслучайно [Гасанова 2021; Григорьева 2009; Тумгоева 2023; Фархутдинова 2022]. Очевидно, что и процессы внутренней миграции в Российской Федерации, и иммиграция представителей ислама из стран Закавказья (прежде всего, из Азербайджана) и Средней Азии делают конфессиональную картину еще более пестрой, нежели она была в историческом прошлом. Такое расширение аудитории автоматически все более утверждает непреходящую ценность русского языка как языка межнационального взаимодействия. При этом подчеркнем, что на

Северном Кавказе русский язык приобрел такую функцию еще в 1930-е годы. Книги, посвященные вопросам ислама, все чаще издаются именно на русском языке, поскольку издательства ориентированы на расширение не только аудитории внутри страны, но и за рубежом.

Бесспорно, одним из наиболее динамично развивающихся становится исламский дискурс, представленный в медиапространстве, прежде всего в сети Интернет. В Российской Федерации исламский медиадискурс ориентирован на использование русского языка и его ресурсов с самого начала появления религиозного дискурса в Рунете [Сибгатуллин 2010], при этом мнения исследователей в этом отношении разделились: одни говорят об угрозе национальной идентичности, тогда как другие (и таких большинство) указывают на когнитивно-семантический и коммуникативно-прагматический потенциал русскоязычного исламского дискурса, используемого в медиапространстве, как на важный ресурс истолкования традиций и понятий ислама не только для новообразованных, но и для тех членов российской уммы, которые желают утвердиться в своей вере, узнать новое о ней во благо религиозной общине. Таким образом, исламский медиадискурс сегодня — значимое средство не только трансляции картины мира, но и ее формирования в части конструирования и закрепления ценностных установок, разъяснения концепций и доктрин [см., в частности: Phillips, Hardy 2002].

Русскоязычный исламский дискурс оказывает особое влияние на расширение лексического состава русского языка. К тому же направления в самом исламе, ранее характерные только для одного региона или одного этноса в Российской Федерации, получают распространение в других географических областях. Отметим здесь и такой важный факт: русскоязычие позволяет транслировать идеи ислама в центрах исламского образования не только на языке титульной нации конкретной республики в составе РФ, но и формировать многонациональную аудиторию ислама, в том числе и за счет издания книг на русском языке, а также на основании функционирования целого ряда интернет-изданий и интернет-сайтов: таковы, например, «Умма. Достоверно об исламе. Время намаза» (<https://umma.ru/>); Информационное агентство России «Islam News» (<https://islamnews.ru>); Российское информационное агентство «Ислам Информ» (<https://islaminform.ru>); сетевое издание Islam.ru (<https://islam.ru>) и другие. На наш взгляд, именно интернет-дискурс в медиапростран-

стве обеспечивает выход ислама за рамки традиционных национальных границ и, как результат, его распространение по всей России. При этом использование ресурсов русского языка вовсе не отменяет возможности обращения мусульман к потенциалу собственных национальных языков (татарского, аварского, карачаевского). Необходимо подчеркнуть, что в российской умме есть небольшой, но значимый сегмент так называемых «новых мусульман» — этнических русских, пришедших к исламу, некоторые из которых уже широко известны как эксперты по исламу, авторы книг по теологии или апологеты исламских движений, ранее неизвестных в России, а также исламские писатели, создающие художественные произведения на русском языке [Bekkin 2012].

Для каждого языка свойственно кодифицирование фонетики, лексики, грамматики, однако любой из живых языков характеризуется также постоянным развитием, при этом отдельные социальные группы определяют изменения, происходящие в языке, и в этом смысле язык Интернета оказывается наиболее репрезентабельным в отношении формирования социопектов. Для дискурса, связанного с любой конкретной предметной областью (и дискурс ислама в данном случае не является исключением), характерна также наполняемость терминологическими единицами, семантически коррелирующими с репрезентируемой предметной областью [Chernyshenko, Alimuradov 2013; Лату, Раздуев 2016].

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие сложные лексико-семантические процессы, происходящие в исламском русскоязычном дискурсе. Одной из значимых проблем в данном сегменте дискурса, на наш взгляд, является ассилияция терминов ислама, в значительном большинстве выступающих для современного русского языка безэквивалентной лексикой, активно заимствуемой на основе механизмов транскрипции и транслитерации. Вместе с тем продуцент высказывания обычно совершенно определенно представляет адресата исламского дискурса, который может не знать значения некоторых исламских терминов-арабизмов, например: «В этом году женщины впервые смогли совершить хадж без сопровождения махрана (мужа или близкого родственника), после того как министерство хаджа издало соответствующее распоряжение. Оно разрешило женщинам любого возраста самостоятельно ехать в хадж при условии, что они будут находиться в составе организованной группы, сообщает Barron's» [<https://islamnews.ru/2022/7/7/v-etom-godu-zhenshchi>

пу-впервые-smogli-sovershit-khadzh-bez-operekov]. В приведенном дискурсивном фрагменте особо обратим внимание на частичное истолкование заимствованного в русский язык термина арабского происхождения *махрам* — ‘муж или близкий родственник’, за которого, в частности, женщина не может выйти замуж по причине близкого кровного родства (исключение составляет муж), который помогает понять установления и послабления исламского права [<https://dum-spb.ru/slovar-musulmanskix-terminov>]: только в 2022 году было отменено обязательное сопровождение махрамом женщины, совершающей хадж.

Итолкование исламского термина-арабизма может быть и более протяженным, и в этом случае представляется возможным говорить о его семантической деконструкции [о сущности терминологической деконструкции см. подробнее: Антакли, Алимурадов 2023] в рамках дискурсивного фрагмента. Рассмотрим следующий пример: «12 декабря в Мекке близ главной святыни мусульман — Заповедной мечети открылась международная конференция „Опасности таснифа и сектантства“, посвященная преодолению одного из главных вызовов исламу на современном этапе. Организатором мероприятия выступила Лига исламского мира при содействии руководства Саудовской Аравии. Тасниф переводится с арабского как навешивание ярлыков или лейблинг, под которым подразумевается использование мусульманскими сообществами искусственных называний и определений применительно друг к другу, что в конечном итоге подрывает единство уммы и способствует распространению экстремизма» [<https://islamnews.ru/2018/12/12/v-mekke-ozvuchili-odin-iz-glavnuyh-vuzovov-islamu>]. Отметим, что в данном случае понятно отсутствие истолкования термина *тасниф* в том же высказывании, где он употреблен, однако далее в контексте продуцент дискурса особо останавливается на значении данного термина и даже приводит соответствующую лексему из английского языка с тем, чтобы расширить представления адресата дискурса о том негативном влиянии, которое оказывает тасниф на чистоту веры.

Интересны также случаи употребления терминов-заимствований из арабского или персидского языков, которые не сопровождаются толкованием в исламском медиадискурсе. Например: «Выплата закята отличается от милостыни тем, что это является обязанностью (фарз). Утверждение о необязательности выплаты закята или сомнение в том, что это является предписанием Все-

ышнего Аллаха, рассматривается как вероотступничество. Есть много хадисов, а также аятов Корана, которые подтверждают обязательность выплаты закята» [<https://islam.ru/content/veroeshenie/43384>]. В приведенном фрагменте только лексема *обязанность* сопровождена истолкованием из терминологии исламской этики *фарз* (*фард*), при этом анализ семантики термина-арабизма показывает, что *фарз* не является сколько-нибудь полным эквивалентом *обязанности*: «Фард (араб. فرضة, также фарз, фариза, мн. ч. فرائض, фарайд) — в шариате — поступки и нормы поведения, включая нормы благочестия и ритуальные действия, которые предписано выполнять и соблюдать как религиозные заповеди» [<https://ru.ruwiki.ru/wiki/Фард>]. Другие важные термины-заимствования (закят, хадис, аят) таким русскоязычным толкованием не сопровождаются, вероятно, по причине обязательной известности их семантики любому мусульманину.

Достаточно частотным для русскоязычного исламского медиадискурса представляется также толкование термина-гипонима через термин-гипероним посредством вставной конструкции, например: «Часть собираемого в Татарстане гушр-садака (закят с урожая) мусульмане отправляют в зону проведения СВО в рамках кампании по оказанию поддержки российским военным» [<https://islamnews.ru/2024/9/27/musulmane-ot-pravlyayut-tonny-gushr-sadaka-na-front>]. В приведенном контексте таким гипонимом выступает термин *гушр-садака*, а гиперонимом — *закят с урожая*.

Сходный случай отсутствия эквивалентного русскоязычного термина или передачи значения термина-арабизма иными способами (вставными конструкциями или отдельными высказываниями в составе сложного синтаксического целого) находим в следующем дискурсивном фрагменте: «В Центре подготовки хафизов Корана завершился командный конкурс на знание 30 джузя Корана среди мусульманских образовательных организаций. Организаторами конкурса выступили Казанский исламский университет, Духовное управление мусульман РТ и Центр подготовки хафизов Корана им. Усмана ибн Аффана» [<https://islaminform.ru/2021/03/01/v-centre-podgotovki-hafizov-proshel-re/>]. В приведенном примере обращает на себя внимание употребление терминов *хафиз*, *джуз* без уточнения их семантики в контексте на русском языке. На наш взгляд, это происходит потому, что хафизы издавна почитались во всех исламских общинах как люди, знавшие Коран наизусть

целиком или отдельные его джузы (части). В приведенном контексте речь идет о состязании хафизов на знание последнего, 30-го джуза Корана о Судном дне и воздаянии за поступки в жизни.

Показательным примером употребления терминов арабского происхождения в кириллической графике считаем также следующий: «Ислам всегда отличался наличием в нем различных учений, мнений, дискуссий. Поэтому сегодня распространены 4 мазхаба (а было намного больше). И дискуссия вокруг ношения никаба — тоже обычное явление для исламского мира: такие дискуссии ведутся и в мусульманских странах, в ряде из которых никаб запрещают, в других разрешают, в третьих спорят» [<https://islamnews.ru/2024/6/2/vopros-nikaba-politizirovali-iz-za-termologicheskoy-putanitsy>]. И если значение терминоединицы *никаб* сейчас известно практически каждому (и не только мусульманину) в силу его частотного употребления в новостном дискурсе СМИ, то термин *мазхаб* — определяющий для исламской картины мира — гораздо менее известен русскоязычной аудитории. Перевод на русский язык значения данного термина может лишь приблизительно передать его смысл: мазхаб (в буквальном переводе — путь) в исламском богословии — доктрина, толк, школа, течение, ветвь религии, а также излишняя терпимость в вопросах целомудрия и чести (представляется, что этот ряд слов и выражений, обычно приводимый различными источниками [см., в частности: <https://dum-spb.ru/slovar-musulmanskix-terminov>; Словарь исламских терминов 2014], как раз и свидетельствует об отсутствии в русском языке эквивалента). Отметим также, что в приведенном фрагменте как данность признаны только суннитские мазхабы (их четыре — ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский).

Безусловно, исламский русскоязычный дискурс в современном медиапространстве обнаруживает разнообразные трансформации семантического (и, в частности, терминологического) кода, особенно в случае попытки эквивалентной передачи арабской исламской терминологии на русском языке. Если арабо-турко-персидская и русская языковые единицы употреблены в одном контексте, можно предполагать их синонимическую взаимозаменяемость в текстово-дискурсивном пространстве. Однако так происходит далеко не со всеми исламскими терминами: многие из них обладают чрезвычайно широким и вариативным семантическим наполнением, отражающим множественность трактовок религиозных концепций

в исламском богословии, пока не имеют широкого употребления или заимствованы опосредованно (через различные национальные языки Российской Федерации), что неизмеримо усложняет процесс рецепции и интерпретации исламского дискурса и его терминологической составляющей.

ВЫВОДЫ

Религиозный дискурс выступает одной из форм объективации религиозной идентичности, при этом такой дискурс может быть институциональным и персональным. Основной целью религиозного дискурса выступает приобщение к вере, к тем ценностям, нормам и традициям, которые свойственны данной конфессии, что дает основания предполагать участие религиозного дискурса в формировании картины мира языковой личности, в том числе и коллективной (социальная группа и/или этнос).

Как один из компонентов структуры исламского религиозного дискурса, исламская идентичность способствует укреплению национальной идентичности посредством утверждения принадлежности к исламу, обладающему интеллектуальным, духовным и нравственным потенциалом. Поэтому изучение дискурса ислама в различных ракурсах современной лингвистики (от социолингвистики и когнитивной семантики до лингвокультурологии) может позволить наиболее точно и емко моделировать исламскую картину мира и структурировать языковую личность российского мусульманина, характеризующуюся национальной и религиозной идентичностью.

Ориентация исламского медиадискурса в России на использование русского языка и его ресурсов способствует расширению лексического состава русского языка. За счет употребления русского языка для создания текстово-дискурсивного пространства направления ислама, которые изначально были свойственны только одному региону или одному этносу, получают распространение в других географических областях РФ. Русскоязычный исламский дискурс не только транслирует идеи ислама, его образы и ценности для представителей титульной нации конкретной республики Российской Федерации, но и формирует многонациональную аудиторию ислама, в том числе и за счет издания книг на русском языке, а также на основании функционировании целого ряда интернет-изданий и интернет-сайтов.

В процессе исследования выявлено, что основных тенденций ассимиляции исламской терминологии в русскоязычном исламском дискурсе, представленном в медиапро-

странстве, фактически две: исламский термин получает истолкование в ближнем (посредством вставных конструкций) или дальнем (с помощью протяженного фрагмента текста в пределах сложного синтаксического целого) контекстах либо не сопровождается таким истолкованием вовсе по причине уверенности продуцента дискурса в знании его адресатом основных терминов и понятий ислама.

Перспективы исследования видятся нам в изучении формирования исламского социолекта, в том числе в медиапространстве современной России. Тесная связь языка и культуры с национальной и конфессиональной идентичностью ориентирует и на более широкое понимание дискурсивных процессов, прежде всего в части трансформации семантики культурных кодов и моделей, а также их коммуникативно-прагматического потенциала.

ИСТОЧНИКИ

1. В Мекке озвучили один из главных вызовов исламу (видео) // ИА IslamNews : сайт. — URL: <https://islamnews.ru/2018/12/12/v-mekke-ozvuchili-odin-iz-glavnih-vyzovov-islamu> (дата обращения: 01.11.2024). — Видео : электронное.
2. В Центре подготовки хафизов прошел республиканский конкурс на знание Корана // Ислам Информ. — URL: <https://islaminform.ru/2021/03/01/v-centre-podgotovki-xfafi-zov-proshel-re/> (дата обращения: 01.11.2024). — Текст : электронный.
3. В этом году женщины впервые смогли совершить хадж без опекунов // ИА IslamNews : сайт. — URL: <https://islamnews.ru/2022/7/7/v-etom-godu-zhenshchiny-vpervye-smogli-sovershit-khadzh-bez-opekunov> (дата обращения: 01.11.2024). — Текст : электронный.
4. Вопрос никаба политизировали из-за терминологической путаницы // ИА IslamNews : сайт. — URL: <https://islamnews.ru/2024/6/2/vopros-nikaba-politizirovali-iz-za-terminologicheskoy-putanitsy> (дата обращения: 01.11.2024). — Текст : электронный.
5. Доказательства обязательности выплаты закята // Islam.ru : сайт. — URL: <https://islam.ru/content/veroeshenie/43384> (дата обращения: 01.11.2024). — Текст : электронный.
6. Мусульмане отправляют тонны гушр-садака на фронт // ИА IslamNews : сайт. — URL: <https://islamnews.ru/2024/9/27/musulmane-otpravlyayut-tonny-gushr-sadaka-na-front> (дата обращения: 01.11.2024). — Текст : электронный.
7. Словарь исламских терминов. — Казань : Хузур-Спокойствие, 2014. — 512 с. — Текст : непосредственный.
8. Словарь мусульманских терминов / Духовное управление мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России. — URL: <https://dum-spb.ru/slovar-musulmanskih-terminov> (дата обращения: 01.11.2024). — Текст : электронный.
9. Смирнов, М. Ю. Социология религии : словарь / М. Ю. Смирнов. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2011. — 208 с. — Текст : непосредственный.
10. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 07.10.2024). — Текст : электронный.
11. Фард // Wikipedia. — URL: <https://ru.wiki.ru/wiki/Фард> (дата обращения: 01.11.2024). — Текст : электронный.
12. Беккин, Р. Russian Muslims: A Misguided Sect, or the Vanguard of the Russian Umma? / R. Bekkin. — Text : unmediated // Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia / ed. by Bustanov A.K., Kemper M. — Amsterdam : Pegasus, 2012. — P. 361–402.
13. Bekkin, R. Russian Muslims: A Misguided Sect, or the Vanguard of the Russian Umma? / R. Bekkin. — Text : unmediated // Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia / ed. by Bustanov A.K., Kemper M. — Amsterdam : Pegasus, 2012. — P. 361–402.
14. Bektoshev, O. Defining The Concepts Of Religious Discourse, Religious Sociolect And Religious Style / O. Bektoshev, D. Tirkashev, S. Shoxobiddinov, T. Otahujayev, Z. Nazarova. — Text : unmediated // Journal of Positive School Psychology. — 2022. — Vol. 6. — № 11. — P. 1573–1577.
15. Chernyshenko, A. G. Linguistic Parameters of the Mediation Discourse / A. G. Chernyshenko, O. A. Alimuradov. — Text : unmediated // Middle East Journal of Scientific Research. — 2013. — Vol. 15. — № 8. — P. 1092–1096. — DOI 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11499.
16. Pandya, A. Faith, Justice, and Violence: Islam in Political Context / A. Pandya. — Text : unmediated // Islam and Politics: Renewal and Resistance in the Muslim World / ed. by A. Pandya, E. Laipson. — Washington, DC : The Henry L. Stimson Center, 2009. — P. 73–105.
17. Phillips, N. Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction / N. Phillips, C. Hardy. — London : SAGE Publications, Inc., 2002. — 97 p. — Text : unmediated.

филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 2. — С. 136–147. — DOI 10.29025/2079-6021-2023-2-136-147.

2. Артамонова, Е. А. «Исламский фактор» в общественно-политической жизни современной России / Е. А. Артамонова. — Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 33 (287). — URL: <https://cyberlenin.ru/article/n/islamskiy-faktor-v-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 07.10.2024).

3. Гасанова, М. А. Этноспецифическая лексика в русскоязычном исламском дискурсе / М. А. Гасанова, Н. И. Муртазалиева. — Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 3 (88). — С. 554–556.

4. Григорьева, Л. Л. Фразеологическое отражение христианской и мусульманской религиозных картин мира (на материале русского, английского и арабского языков) / Л. Л. Григорьева. — Текст : непосредственный // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2009. — Т. 151. — Кн. 3. — С. 180–183.

5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.

6. Мухетдинов, Д. В. Ислам в России в XVIII — начале XXI вв.: модернизация и традиции / Д. В. Мухетдинов, А. Ю. Хабутдинов. — Нижний Новгород, 2011. — 282 с. — Текст : непосредственный.

7. Мчедлова, М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность / М. М. Мчедлова. — Текст : непосредственный // Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семененко. — Москва : Весь мир, 2017. — С. 334–339.

8. Раздуев, А. В. Дискурсивная специфика дефиниции термина (на примере русскоязычных политических терминов) / А. В. Раздуев, М. Н. Лату. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5 (59). — С. 124–129.

9. Сибгатуллин, А. Исламский интернет / А. Сибгатуллин. — Москва ; Нижний Новгород : Медина, 2010. — 128 с. — Текст : непосредственный.

10. Сызранов, А. В. Становление и развитие государственной политики России по отношению к исламу / А. В. Сызранов. — Текст : электронный // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2011. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitiye-gosudarstvennoy-politiki-rossii-po-otnosheniyu-k-islamu> (дата обращения: 10.10.2024).

11. Тумгоева, Х. Х. Исламская религиозная лексика в русскоязычных переводах транслингвальной художественной литературы / Х. Х. Тумгоева. — Текст : непосредственный // Образование и право. — 2023. — № 8. — С. 414–422. — DOI: 10.24412/2076-1503-2023-8-414-422.

12. Фархутдинова, Ф. Ф. Русскоязычная хутба в контексте современной лингвокультурной ситуации / Ф. Ф. Фархутдинова, Х. А. Якупов. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2022. — № 1 (33). — С. 28–37.

13. Bekkin, R. Russian Muslims: A Misguided Sect, or the Vanguard of the Russian Umma? / R. Bekkin. — Text : unmediated // Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia / ed. by Bustanov A.K., Kemper M. — Amsterdam : Pegasus, 2012. — P. 361–402.

14. Bektoshev, O. Defining The Concepts Of Religious Discourse, Religious Sociolect And Religious Style / O. Bektoshev, D. Tirkashev, S. Shoxobiddinov, T. Otahujayev, Z. Nazarova. — Text : unmediated // Journal of Positive School Psychology. — 2022. — Vol. 6. — № 11. — P. 1573–1577.

15. Chernyshenko, A. G. Linguistic Parameters of the Mediation Discourse / A. G. Chernyshenko, O. A. Alimuradov. — Text : unmediated // Middle East Journal of Scientific Research. — 2013. — Vol. 15. — № 8. — P. 1092–1096. — DOI 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11499.

16. Pandya, A. Faith, Justice, and Violence: Islam in Political Context / A. Pandya. — Text : unmediated // Islam and Politics: Renewal and Resistance in the Muslim World / ed. by A. Pandya, E. Laipson. — Washington, DC : The Henry L. Stimson Center, 2009. — P. 73–105.

17. Phillips, N. Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction / N. Phillips, C. Hardy. — London : SAGE Publications, Inc., 2002. — 97 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. IslamNews (n.d.). *V Mekke ozvuchili odin iz glavnnykh vyzovov islamu (video)* [In Mecca, one of the main challenges to Islam was voiced]. Retrieved Nov. 1, 2024, from <https://islamnews.ru/2018/12/12/v-mekke-ozvuchili-odin-iz-glavnnyh-vyzovov-islamu> (In Russ.)
2. Islam Inform (n.d.). *V Tsentre podgotovki khafizov proshel respublikanskiy konkurs na znanie Korana* [The Republican competition for knowledge of the Koran was held at the Hafiz Training Center]. Retrieved Nov. 1, 2024, from <https://islaminform.ru/2021/03/01/v-tsentre-podgotovki-khafizov-proshel-re/> (In Russ.)
3. IslamNews (n.d.). *V etom godu zhenshchiny vpervye smogli sovershit' khadzh bez opekunov* [This year, women were able to perform the Hajj without guardians for the first time]. Retrieved Nov. 1, 2024, from <https://islamnews.ru/2022/7/7/v-etom-godu-zhenshchiny-vpervye-smogli-sovershit-khadzh-bez-opekunov> (In Russ.)
4. IslamNews (n.d.). *Vopros nikaba politizirovali iz-za terminologicheskoy putanitsy* [The niqab issue was politicized due to terminological confusion]. Retrieved Nov. 1, 2024, from <https://islamnews.ru/2024/6/2/vopros-nikaba-politizirovali-iz-za-terminologicheskoy-putanitsy> (In Russ.)
5. Islam.ru (n.d.). *Dokazatel'sta obyazatel'nosti vyplaty zakyata* [Evidence of the obligation to pay zakat]. Retrieved Nov. 1, 2024, from <https://islam.ru/content/veroesenie/43384> (In Russ.)
6. IslamNews (n.d.). *Musul'mane otpравlyayut tonny gushr-sadaka na front* [Muslims send tons of gushr-sadaq to the front]. Retrieved Nov. 1, 2024, from <https://islamnews.ru/2024/9/27/musulmane-otpravlyayut-tonny-gushr-sadaka-na-front> (In Russ.)
7. *Slavar' islamskikh terminov* [Dictionary of Islamic terms] (2014). Kazan': Khuzur-Spokoystvie, 512 p. (In Russ.)
8. Spiritual Directorate of Muslims of St. Petersburg and the North-West Region of Russia (n.d.). *Slavar' musul'manskikh terminov* [Dictionary of Islamic terms]. Retrieved Nov. 1, 2024, from <https://dum-spb.ru/slovar-musulmanskix-terminov> (In Russ.)
9. Smirnov, M.Yu. (2011). *Sotsiologiya religii* [Sociology of religion] [Dictionary]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 208 p. (In Russ.)
10. President of the Russian Federation (2012). *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 19.12.2012 g. № 1666 "O Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda"* [Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025"]. Retrieved Oct. 7, 2024, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (In Russ.)
11. *Fard* (n.d.). Wikipedia. Retrieved Nov. 1, 2024, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/Fard> (In Russ.)

REFERENCES

1. Antakli S.A., & Alimuradov O.A. (2023). Dekonstruktziya angloyazychnykh voennykh terminov v massmediynom tekste [Deconstruction of English-language military terms in mass media text]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2, 136–147. DOI 10.29025/2079-6021-2023-2-136-147 (In Russ.)
2. Artamonova, E.A. (2012). "Islamskiy faktor" v obshchestvenno-politicheskoy zhizni sovremennoy Rossii [“Islamic factor” in the socio-political life of modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 33(287). Retrieved Oct. 7, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-faktor-v-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-sovremennoy-rossii> (In Russ.)
3. Gasanova, M.A., & Murtazalieva, N.I. (2021). Etnospetsificheskaya leksika v russkoyazychnom islamskom diskurse [Ethnospecific vocabulary in Russian-language Islamic dis-
- course]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 3(88), 554–556. (In Russ.)
4. Grigor'eva, L.L. (2009). *Frazeologicheskoe otzazhenie khristianskoy i musul'manskoy religioznykh kartin mira (na materiale russkogo, angliyskogo i arabskogo yazykov)* [Phraseological reflection of the Christian and Muslim religious pictures of the world (based on the Russian, English and Arabic languages)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 151 (book 3), 180–183. (In Russ.)
5. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremeny, 477 p. (In Russ.)
6. Mukhedinov, D.V., & Khabutdinov, A.Yu. (2011). *Islam v Rossii v XVIII — nachale XXI vv.: modernizatsiya i traditsii* [Islam in Russia in the 18th - early 21st centuries: modernization and traditions]. N. Novgorod, 282 p. (In Russ.)
7. Mchedlova, M.M. (2017). *Religioznaya i konfessional'naya identichnost'* [Religious and confessional identity // Identity: Personality, Society, Politics: encyclical publication]. In I.S. Semeneno (Ed.), *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika: entsikl. izd.* (pp. 334–339). Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
8. Razduev, A.V., & Latu, M.N. (2016). *Diskursivnaya spezifika definitsii termina (na primere russkoyazychnykh politicheskikh terminov)* [Discursive features of the term definition (based on Russian political terms)]. *Political Linguistics*, 5(59), 124–129. (In Russ.)
9. Sibgatullin, A. (2010). *Islamskiy internet* [Islamic Internet]. Moscow; N. Novgorod: Medina, 128 p. (In Russ.)
10. Syzranov, A.V. (2011). *Stanovlenie i razvitiye gosudarstvennoy politiki Rossii po otnosheniyu k islamu* [Formation and development of the state policy of Russia towards Islam]. *Kaspiskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, 4. Retrieved Oct. 10, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitiye-gosudarstvennoy-politiki-rossii-po-otnosheniyu-k-islamu> (In Russ.)
11. Tumgoeva, Kh. Kh. (2023). *Islamskaya religioznaya leksika v russkoyazychnykh perevodakh translingval'noy khudozhestvennoy literatury* [Islamic religious vocabulary in Russian-language translations of translingual fiction]. *Obrazovanie i pravo*, 8, 414–422. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-8-414-422. (In Russ.)
12. Farkhutdinova, F.F., & Yakupov, Kh.A. (2022). *Russkoyazychnaya khutba v kontekste sovremennoy lingvokul'turnoy situatsii* [Russian-language khutba in the context of the modern linguocultural situation]. *Zhanry rechi*, 1(33), 28–37. (In Russ.)
13. Bekkin, R. (2012). *Russian Muslims: A Misguided Sect, or the Vanguard of the Russian Umma?* In A.K. Bustanov & M. Kemper (Eds.), *Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia* (pp. 361–402). Amsterdam: Pegasus.
14. Bektoshev, O., Tirkashev, D., Shoxobiddinov, S., Otahujayev, T., & Nazarova, Z. (2022). *Defining The Concepts Of Religious Discourse, Religious Sociolect And Religious Style*. *Journal of Positive School Psychology*, 6(11), 1573–1577.
15. Chernyshenko, A.G., & Alimuradov, O.A. (2013). *Linguistic Parameters of the Mediation Discourse*. *Middle East Journal of Scientific Research*, 15(8), 1092–1096. DOI 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11499.
16. Pandya, A. (2009). *Faith, Justice, and Violence: Islam in Political Context*. In A. Pandya & E. Laipson (Eds.), *Islam and Politics: Renewal and Resistance in the Muslim World* (pp. 73–105). Washington, DC: The Henry L. Stimson Center.
17. Phillips, N., & Hardy, C. (2002). *Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction*. London: SAGE Publications, Inc., 97 p.